

Перспективы высшего образования в России (Реформирование или ликвидация?)

Автор: Т. В. ПАНФИЛОВА, Г. К. АШИН

Поводом для настоящих заметок послужила статья доктора социологических наук, профессора Н. Покровского [Покровский, 2005]. В ней содержится описание тех тенденций в высшем образовании США, которые представляются автору перспективными, поскольку, с его точки зрения, они объективно вытекают из процессов глобализации и характерны для всего глобализирующегося мира. Принимая во внимание то, что автор статьи - квалифицированный социолог, хорошо знающий систему образования в американских и российских университетах, с его мнением нельзя не считаться. В то же время некоторые положения статьи представляются нам далеко не бесспорными, особенно в части оценок происходящего в сфере российского образования. Правда, Покровский избегает однозначных оценок и рекомендаций, видимо, полагая, будто достаточно признать тенденцию объективной, чтобы отпала необходимость ее оценивать. Мы же считаем, что анализ общественных явлений предполагает их соотношение с ценностями и претензия автора на внеценностную позицию уже есть выражение определенной социальной позиции, означающей, что интересы автора лежат в русле описываемого им явления. Все сказанное побудило нас поделиться своими соображениями по поводу общемировых тенденций в высшем образовании и перспектив университетского образования в России.

Для начала разделим две проблемы, представленные в статье Покровского: 1) описание и анализ новейших тенденций в мировом - прежде всего американском - университетском образовании и 2) их оценку и применимость к российскому высшему образованию.

По первому вопросу у нас нет разногласий с Покровским. Мы тоже признаем, что в настоящее время имеет место тенденция к коммерциализации высшего образования, к превращению университетов в коммерческие предприятия. Отношения между преподавателем и студентом все больше приобретают рыночный характер: преподаватель продает свои услуги - студент их покупает или заказывает новые, если предложенные его не удовлетворяют. Преподаваемые дисциплины переориентируются на сиюминутные потребности рынка, в результате чего наблюдается "снижение значимости системной фундаментальности". Происходит сокращение удельного веса курсов фундаментальных наук, которые уступают место так называемому "полезному знанию", то есть знанию прикладному, прежде всего многочисленным спецкурсам, порой эзотерическим. Покровский отмечает, что ныне возобладали концепция знания, "ограниченного в принци-

П а н ф и л о в а Татьяна Васильевна - доктор философских наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

А ш и н Геннадий Константинович - доктор философских наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

пе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую отдачу", тогда как "фундаментальные знания вытесняются на периферию" [Покровский, 2005, с. 148, 149, 152]. Мы согласны с тем, что такая тенденция действительно существует. Но вот по второму вопросу, связанному с отношением к этой тенденции, ее оценкой и желательностью распространения на российские университеты, у нас имеются принципиальные возражения.

Автор настаивает на том, что происходящие процессы не следует оценивать по принципу "хорошо-плохо", "нравится - не нравится"; с ними надо просто считаться как с фактом, заявляет он, поскольку они все равно уже идут вне зависимости от нашего желания. В то же время он описывает не все тенденции, существующие в сфере высшего образования по всему миру, а выбирает одну страну - США, которую очевидно считает законодателем моды в данной области, и выделяет одну тенденцию - к коммерциализации высшего образования, представив ее наиболее перспективной и соответствующей духу времени, хотя сам не без сожаления отмечает, что далеко не все университеты США реализовали ее в полной мере. Это ли не выражение ценностной ориентации автора? Разве не понятно, на чьей стороне его симпатии?

Соглашаясь с Покровским в том, что описанная тенденция широко представлена по всему миру, считаем нужным подчеркнуть, что причина ее распространенности, по нашему мнению, объясняется отнюдь не тем, что коммерциализация высшего образования со всеми вытекающими из нее последствиями представляет собой магистральный путь развития высшего образования любой страны. Все объясняется доминирующим положением США в мире, в результате чего эта страна задает тон на мировой арене в соответствии со своими интересами, тогда как другие государства с готовностью подхватывают инициативы могущественного партнера, подчиняя им свои интересы.

Мы не видим оснований ограничиваться описанием одной тенденции, пусть и наиболее распространенной. Разумнее, на наш взгляд, посмотреть, действительно ли тенденция к замене фундаментальных дисциплин прикладными вследствие коммерциализации образования уже господствует хотя бы в американских университетах, не говоря уж об общемировой практике высшего образования. От ответа на этот вопрос зависит представление о перспективах российской высшей школы: каким тенденциям следует отдать предпочтение при включении нашей системы высшего образования в общемировые процессы.

Что же обнаруживается? Начнем с того, что попытки переноса центра тяжести с фундаментального на прикладное знание - отнюдь не новация; такие поползновения неоднократно предпринимались в истории науки в связи с различными обстоятельствами. Еще Ф. Бэкон в XVII в. подверг острой критике попытки ограничить науку "плодоносным" знанием, под которым он имел в виду именно прикладное знание, в ущерб фундаментальному - "светоносному". Наше поколение тоже помнит такие попытки. Например, Н. Хрущев предлагал распустить Академию наук СССР и подчинить ведущие технические вузы соответствующим министерствам, полагая, будто таким образом можно ускорить технический прогресс. Хорошо, что его удалось переубедить. Так что предложениями подобного рода нас не удивишь.

В данном случае, однако, важнее другое: перенос центра тяжести с фундаментальных на прикладные науки (и соответственно, на прикладные учебные дисциплины) - отнюдь не сквозная, всеобщая тенденция в американской системе высшего образования и тем более науки; это, скорее, современная мода, причем коснувшаяся не самых крупных, а прежде всего специализированных вузов (хотя следует признать, что таких вузов в США большинство). В элитных вузах США преобладает иная тенденция (назовем ее разумным консерватизмом) - продолжая развивать фундаментальное знание, искать оптимального сочетания фундаментальных и прикладных учебных дисциплин. Ведь выбирать можно по формуле "или-или", а можно - по формуле "и-и" в духе Аристотеля, предпочитавшего искать истину в "золотой середине". Нельзя не упомянуть и еще об одной тенденции в американской науке и высшем образовании - росте интереса к комплексным междисциплинарным областям знания, опять-таки базирующимся на фундаментальных науках.

Таким образом, отмечая изменения в содержании высшего образования вследствие его коммерциализации, следует обратить внимание на то, что тенденция к замене фундаментальных знаний прикладными не является ни принципиально новой, ни безуслов-

но господствующей. Значит, возможность выбора не исключена. Чтобы определить, чему следовало бы поспособствовать, а чему воспрепятствовать, придется оценить существующие тенденции.

Не будем спорить с Покровским по поводу оценок типа "нравится - не нравится": их субъективная ограниченность очевидна. Но есть другой способ квалификации изучаемого явления: проследить, к каким объективным последствиям оно приведет, и соотнести их с общественно значимыми ценностями, в принципе не сводимыми к субъективным мнениям. В данном случае речь пойдет о последствиях внедрения описанных тенденций в отечественную систему высшего образования, которым надо будет дать общественно значимую оценку.

К каким же изменениям в подготовке специалистов приведет последовательное превращение университета в коммерческое предприятие? Студенты становятся покупателями предлагаемых им услуг, а покупатель всегда прав, подчеркивает Покровский. Программу обучения необходимо переделывать в соответствии с пожеланиями студентов, в свою очередь, обусловленными конъюнктурой.

Возникает вопрос: кто и как будет определять, что соответствует конъюнктуре, а что нет. Ведь для грамотного определения конъюнктуры нужен определенный запас теоретических знаний, тем более когда речь идет о предсказании конъюнктуры, которая сложится на рынке ко времени окончания студентом высшего учебного заведения. Поскольку поступающие в университет "клиенты" теоретическими знаниями не обладают, да и, похоже, обладать не будут, ибо исходят из текущих представлений о рыночной целесообразности и некомпетентны в оценке конъюнктуры. Доверив им принятие решения о содержании их обучения, мы будем полагаться на их здравый смысл, в котором, однако, нет места фундаментальным знаниям. Оттеснив теорию на периферию обучения, мы законсервируем обывательское отношение к фундаментальному знанию, породив у студентов впечатление, будто "светоносные" знания существуют только для непрактичных чудаков, тогда как нормальному человеку достаточно "плодоносных", приносящих сиюминутную выгоду. Само собой уйдет в небытие гегелевское положение о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

На наш взгляд, такое положение вещей более или менее допустимо для профессионально-технического училища, да и то с оговорками, но не для университета, ибо оно противоречит самой "идее университета", которая, как писал Х. Ортега-и-Гассет, заключается в том, чтобы университет стал центром воспитания высокообразованной интеллектуальной элиты. Университетское образование дает именно универсальное знание как рафинированный опыт человечества, которое уж затем дробится по различным научным дисциплинам. Если тенденция к коммерциализации возобладает, универсальное знание выпадет из программы обучения. И как бы мы ни утешали себя тем, что ничего страшного не произошло, что налицо лишь смена "внутренней парадигмы университетского образования" [Покровский, 2005, с. 148], в действительности такое образование перестанет соответствовать "идее университета", а значит, выражаясь без обиняков, высшее образование окажется низведенным до уровня среднего, то есть фактически упраздненным.

Сказанное вовсе не означает, будто мы возражаем против факультативных дисциплин по выбору или против создания новых учебных дисциплин на стыке существующих. Ничего подобного! Вопрос в том, что оставить на усмотрение самих студентов, а что студенты обязаны знать, раз они поступили в университет и рассчитывают получить высшее образование. Отнесем фундаментальные знания на обочину учебного процесса - сузим кругозор наших студентов, сведем их мировоззрение до обывательского уровня, лишим их умения, да и желания самостоятельно учиться. Ибо фундаментальные знания - это не набор фактов, которые можно знать, а можно и не знать. Их задача - сформировать установку на самостоятельное мышление и саморефлексию, обеспечив учащихся необходимыми для этого приемами. Если студенты не приобретут навыков самостоятельного мышления, они не смогут критически оценить ни собственные представления, ни происходящие в мире процессы. Собственная ограниченность будет казаться им верхом оригинальности. И вина за это ляжет на нас - преподавателей, принявших существующие тенденции как должное без соответствующих оценок и попыток что-либо изменить.

Так ли страшно все описанное? Ведь не боятся же американцы этой тенденции. Возможно, и нам нечего опасаться и следует принять ее как должное, что, собственно, По-

кровский и предлагает? Действительно, даже в случае переориентации американских вузов с фундаментальных дисциплин на прикладные американской науке кризис не грозит. Дело в том, что США имеют многолетний опыт импорта "мозгов" из ведущих вузов Европы, традиционно отдающих приоритет именно фундаментальным наукам, а также из других стран (в частности, из Индии, хотя больше всего оттуда импортируется программистов). Вряд ли можно сомневаться в том, что, "сняв пенки" с "плодоносного знания", США купят в других странах крупнейших теоретиков, на подготовку которых им самим пришлось бы потратить сотни миллиардов долларов, - купят тех, кого могут привлечь высокие оклады и передовое лабораторное оборудование. Таковы уж grimасы глобализации!

Что касается последствий для России, то они будут катастрофическими. Пока наши специалисты ценятся в мире, в том числе и в США, за широту кругозора, за способность самостоятельно сформулировать и осмыслить проблему. Формирование этих качеств составляет сильную сторону нашей системы высшего образования. Ликвидируем ее, низведем наших специалистов до среднего профессионально-технического уровня - кому они будут нужны? За рубежом своих специалистов подобной квалификации вполне достаточно.

Конечно, внутри страны и такие специалисты найдут себе применение. Но для нужд современного производства требуются и другие, способные самостоятельно разрабатывать технические новинки и осваивать уж существующие. Наши "радикальные реформаторы" уже попробовали без них обойтись. В 1990-х гг. они повторили "эксперимент" на тему замены фундаментальных знаний прикладными под флагом "экономии" бюджетных расходов, резко, во много раз снизив финансирование Академии наук в целом, и прежде всего академических институтов, ориентировавшихся на фундаментальные исследования. Следствием этих "реформ" стала общая деградация российской науки, вынужденная эмиграция тысяч и тысяч российских ученых и многомиллиардные потери для нашей страны. Поскольку для России закрыт американский путь привлечения специалистов со стороны, вопрос встает ребром: либо страна сама производит всех специалистов, необходимых для модернизации и укрепления собственной общественной и хозяйственной жизни, либо она обречена на вечное отставание и дальнейшую деградацию со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями для независимости и целостности России в условиях агрессивных форм протекания глобализационных процессов. Это ли не основание для того, чтобы отдать предпочтение поиску разумного сочетания фундаментальных и прикладных знаний, - тому, что выше было названо "разумным консерватизмом"?

Еще об одном вопросе нельзя не упомянуть в связи с коммерциализацией высшего образования: на кого оно будет рассчитано? Университет, окончательно превратившийся в коммерческое предприятие, возможно, и доступен для всех "клиентов" в США с их специфическим жизненным укладом и развитой системой поддержки "среднего" класса, но не в России! В нашей стране отсутствуют условия для того, чтобы каждый человек вне зависимости от доходов мог воспользоваться платным обучением в университете, и в ближайшие годы создания таких условий не предвидится. Это значит, что полная коммерциализация российского высшего образования не позволит поступить в институты и университеты целому поколению молодых людей из семей с низкими доходами, дополнив вопиющее имущественное неравенство неравенством возможностей в получении образования, а значит - и в получении высокооплачиваемой работы.

Такое положение вещей превращает демократические лозунги в пустую риторику, ибо, по утверждению такого идеолога демократии, каким был американский философ Дж. Дьюи, "демократическое общество обеспечивает равный доступ своих членов ко всем благам и гибкую адаптацию своих институтов посредством взаимодействия различных форм совместной жизни" [Дьюи, 2000, с. 96]. Иначе говоря, коммерциализация высшего образования нанесет удар по идее построения демократического общества в России, подорвет наметившиеся было хилые ростки демократии и вернет нас к сословному обществу времен царизма.

А между тем по сравнению с США европейские системы высшего образования, особенно системы североевропейских стран - Швеции, Норвегии, Финляндии, а также ФРГ, являются более социально ориентированными, большей частью даже бесплатными. Они гораздо ближе к принципам социальной справедливости, равенства стартовых воз-

возможностей для всех молодых людей, стремящихся получить качественное высшее образование. На наш взгляд, российской системе высшего образования опыт и модель европейских стран ближе, чем тенденция к коммерциализации.

Ныне все системы высшего образования развитых стран мира вовлечены в глобализационные процессы. Причем большинство европейских стран учитывает опыт друг друга, что вовсе не означает унификации, единообразия их образовательных систем; они учитывают многообразие традиций, менталитет тех или иных народов. И нам представляется достойным сожаления тот факт, что часть деятелей высшего образования и политиков этих стран (в частности, в ФРГ) выступают за американизацию высшего образования, ссылаясь на то, что американские частные элитные университеты с высокой платой за обучение стоят выше в рейтинге элитных вузов, чем вузы ФРГ. Капитализация университета - существенный, но не единственный показатель его рейтинга. Не менее важны традиции университета; количество знаменитостей среди его выпускников, в первую очередь нобелевских лауреатов; спрос на воспитанников университета, перспективы их карьеры и прочие показатели, которые достигаются за счет взвешенного подхода к образованию и воспитанию студентов. Поэтому еще большее сожаление вызывает тот факт, что и в нашей стране находятся сторонники огульной американизации высшего образования. Если мы хотим сделать Россию демократической страной, процесс коммерциализации высшего образования надо держать под контролем, раз уж нельзя избавиться от этого "побочного продукта глобализации".

В постсоветский период образовательная система России была деидеологизирована, перестал существовать тотальный государственный контроль, начался процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов, больше стали учитываться групповые и индивидуальные запросы населения. Это явное движение к плюралистической модели образования. Сегодня мы можем констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России, стран Западной Европы и Северной Америки в рамках парадигмы плюралистической образовательной системы. Тем более это ощутимо с принятием Россией Болонской конвенции¹.

И в сущности, это только частный случай конвергентных тенденций. Сегодня отмечается общее движение различных социально-политических структур к плюралистическим моделям, причем моделям открытым, в большей мере отражающим демократические процессы в современном мире. Эти изменения составляют часть общего мирового движения к возрастанию роли индивидуума как субъекта социального процесса, в чем выражаются гуманизация и демократизация мирового социально-политического развития.

Конвергенция мировых образовательных систем не исключает, а предполагает их плюрализм, их своеобразие. Нам не следует слепо копировать модели и формы западных образовательных систем, а тем более зигзаги их моды. Напротив, следует сохранять и развивать традиции лучших образцов. Это относится, в частности, к сохранению оптимального соотношения между фундаментальными и прикладными учебными дисциплинами при ведущей роли первых. Иначе мы рискуем растратить преимущества фундаментального образования, получаемого в элитных университетах страны. Пока это наше несомненное преимущество. Неудивительно, что по независимым экспертным оценкам, например, американского института Гурмана, МГУ лидирует среди университетов мира по уровню фундаментального образования [Аргументы... 2004].

Беды нашей образовательной системы и науки лежат в иной плоскости. Им нанесли огромный ущерб псевдореформы 1990-х гг. Резкое уменьшение ассигнований на образование и науку под видом "реформ" привело к катастрофическому снижению уровня

¹ Иногда в литературе встречаются утверждения о том, что принятие Болонской конвенции означает движение в сторону элитного образования. По-видимому, это не совсем так. На состоявшейся в Оксфорде в 2003 г. конференции по социологии образования не без оснований отмечалось, что для образовательной системы невысокого или среднего уровня принятие Болонской конвенции - несомненный прогресс. Для элитных же университетов, в частности Оксфорда, это далеко не прогресс. А по данным журнала "Власть", Кембридж и Парижский институт политических наук вообще воздержались от участия в Болонском процессе [Динес, 2005, с. 66].

образования. В 2000 - 2005 гг. имело место, по существу, замораживание роста вложений в образование и науку. Это означает лишь дальнейшее отставание России от передовых систем образования, особенно США и Японии, где расходы на образование во много раз превосходят соответствующие затраты России, причем не только в абсолютных цифрах (что еще можно было бы понять), но и в доле этих ассигнований от ВВП. Тем самым программируется дальнейшее отставание России в данной области, что неминуемо усилит деградацию культуры и экономики в целом.

Большинство специалистов по экономике и социологии образования не без оснований считают, что для ускоренного развития страны наиболее эффективны инвестиции в "человеческий капитал", в сферы образования и науки, каждый вложенный доллар в близкой перспективе оборачивается выигрышем по меньшей мере 10 долларов. Поэтому можно говорить о неадекватности правительств, которые, планируя бюджет, не увеличивают (и даже уменьшают) в нем расходы на науку и образование. Только в конце 2005 г. развитие образования и науки в России было, наконец, включено в число национальных приоритетов (многие страны сделали это значительно раньше).

Наши науку и образовательную систему можно и нужно вывести из кризисного состояния. Несмотря на огромный ущерб, который они понесли от недофинансирования, сохранились опорные базы, антиэнтропийные узлы науки и образовательной системы, ее стержневые опоры - научные школы. Пока в России есть еще вузы и научные школы, имеющие высокие рейтинги в мире, необходимо, опираясь на них, развивать отечественную систему образования и науки опережающими темпами. В современном мире сложился разветвленный рынок образовательных услуг, и мы должны более активно включиться в него, постоянно работая над повышением собственной конкурентоспособности.

Подлинное богатство России - не нефть и газ, а ее великие культурные традиции; ее главный ресурс - люди - свободные, активные, творческие, образованные. Опираясь на мировой опыт и исходя из потребностей социально-экономического и политического развития России, можно определить, какова должна быть у нас государственная политика в области высшего образования. Прежде всего необходим курс на постоянное увеличение инвестиций в народное образование в целом, это - магистральный путь возрождения России с ее мощными культурными, научными традициями. Нужна "точечная" поддержка способной молодежи, которая включала бы в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом - через уже опробованный путь проведения конкурсов и олимпиад (региональных и общероссийских). Их победители и призеры должны получать гранты, которые позволят им подготовиться к поступлению в элитные вузы страны (особенно это касается талантливой молодежи, живущей в провинции, далеко от культурных центров).

Подводя итог сказанному, считаем нужным подчеркнуть, что покорное следование новейшим тенденциям в перестройке университетов приведет нас к фактической ликвидации университетского образования в России и выбьет страну из числа самостоятельных участников всемирной истории. Не допустить такого развития событий - пока в наших силах. Но для этого потребуются отказ от "внеценностного" подхода, фактически означающего безоговорочное принятие наиболее одиозных форм глобализации вместе с их побочными продуктами, и предпринять энергичные действия по развитию и совершенствованию отечественного высшего образования - высшего в полном смысле слова, соответствующего "идею университета".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аргументы и факты. 2004. N 42.

Динес В., Аблязов К. Новые перспективы развития российской высшей школы // Власть. 2005. N 9.

Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000.

Покровский Н. Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. 2005. N 4.